

В

БЛИЖАЙШЕЕ время в издательстве «Наука» выходит в свет книга «А. М. Горький и Р. Роллан. Письма и материалы», подготовленная и печатная Институтом мировой литературы Академии наук СССР. В предисловии члена-корреспондента АН СССР И. И. Анисимова, представляющего издание, говорится:

«Горький и Роллан — два имени, без которых нельзя себе представить всемирную литературу нашего времени. Два великих писателя, которые оказали огромное и неизгладимое влияние на духовную жизнь двадцатого столетия. Творчество их было тесно связано с социалистической революцией, с самым главным, всеопределяющим явлением современной эпохи.

Дружба Роллана и Горького — это одна из интереснейших глав истории современной культуры. Горький и Роллан прошли далеко не параллельные пути развития. Они поднялись из разных социальных кругов; они по-разному соприкасались с материальными и духовными трудностями жизни, по-разному учились, по-разному осваивали духовное наследие прошлого, цену которому они оба так хорошо знали.

Многолетняя переписка Горького и Роллана, до сих пор еще не полностью известная, отражает последовательно и те основания, на которых сближались духовная дружба писателей, и те важнейшие принципиальные расхождения, которые между ними возникали. Поэтому глубочайшая общность в революционном решении проблем современности, к которой оба они приходят, приобретает такой целостный и исторически значительный характер.

Изучение писем Роллана и Горького дает очень много для понимания творческого развития каждого из них и для понимания той общемировой и общелитературной ситуации, на основе которой это сближение великанов происходило».

Ниже с небольшими сокращениями публикуются письма А. М. Горького Р. Роллану.

Петроград, 18/21 марта 1917 г.

Спешу ответить Вам, дорогой Ромен Роллан.

Книга о Бетховене предназначена для юношества. Ее размер 3—5 листов, считая в листе по 40.000 знаков. Рукопись хотелось бы иметь к августу, если только это возможно для Вас.

Книга должна быть объективным и занимательным рассказом о жизни гения, о росте его души, о всех наиболее значительных событиях, пережитых им, о страданиях, которые он преодолел, и о славе, венчавшей его. (Хотелось бы знать все о детстве Бетховена).

Наша цель — возбудить в сердцах юношества социальный романтизм, настроение любви и доверия к жизни, к людям; мы хотели бы воспитывать героическое, мужественное отношение к действительности, хотели бы внушить человеку, что это он — творец и хозяин мира и на нем лежит ответственность за все грехи земли, точно так же, как ему слава за все прекрасное в жизни.

Надо помогать человеку освобождаться от угнетающих его разум цепей личного, классового, национального, необходимого горячая проповедь духовного родства всех со всеми, проповедь культурного объединения, всемирности, универсализма.

Ваше предложение написать жизнь Сократа — прекрасно, и я прошу Вас сделать это. Вы, конечно, возьмете Сократа на фоне античной жизни, в быту Афин?

Ваши тонкие замечания о Моисее вполне гармонируют с моими взглядами на роль религиозного фанатизма как силы, разъединяющей людей. Очень вероятно, что для биографии Моисея мы не найдем автора, который был бы способен изобразить Моисея только как социального реформатора.

Сердечно благодарю Вас за Ваше дружеское письмо!

Так радостно знать, что где-то далеко живет человек, душа которого болит той же болью, что и твоя душа; человек, который любит то же, что любишь ты. Хорошо знать об этом во дни, когда торжествует обезумевшая свинья.

Я убедительно прошу Вас прислать мне Ваши новые произведения в рукописях — в этом виде они дойдут до меня.

Слышал, что Вы написали новый роман, — дайте его мне для журнала «Летопись», который я издаю, и для издания отдельной книгой!

Сообщите Ваши условия.

Крепко жму Вашу руку, дорогой друг!

М. ГОРЬКИЙ.

Р. S. События, разыгравшиеся у нас в России, задержали это письмо.

Я поздравляю Вас, Ромен Роллан, от всей души поздравляю — Россия перестала быть одним из оплотов европейской реакции, наш народ обвенчался со Свободой, и — я надеюсь — от этого союза он родит много талантливых людей для славы человечества!

6 ноября 1923 г.

Мой дорогой друг!

Очень тронут Вашей, дорогой друг, похвалой моей книги*, но, мне кажется, Вы слишком снисходительно отнеслись к ней, и Ваше чувство дружбы ко мне, человеку, чрезмерно смягчает критицизм Ваш по отношению ко мне, автору.

Мне лично книга кажется неудачной; она хаотична, лишена внутренней гармонии; читая ее, чувствуешь, что автор слишком торопился рассказать и, поэтому, многое изобразил небрежно, незаконченно, без должного уважения к слову и не проникая в сущность фактов. К тому же французское издание искажено пропусками, перепутано и вообще очень огорчает меня.

Я хорошо знаю свои недостатки, главный из них — именно вот эта поспешность, стремление поскорее рассказать то, что я видел, знаю и что волнует меня. Здесь вполне уместен парадокс: «Не всегда полезно человеку знать много».

У меня — перегруженность впечатлениями бытия, гипертрофия знания фактов, я слишком увлекаюсь их внешней необычностью, и это делает меня рассказчиком, а не исследователем тайн человеческой души, загадок жизни.

Антропологист в отношении к человеку, антропоморфист в изображении природы, я все еще не умею с достаточной силой и убедительностью выразить мое истинное «я», то настоящее, что загрожено во мне тяжестями личных впечатлений.

В конце концов я думаю, что если б я написал критическую статью о Горьком, — это была бы самая злая и беспощадная критика. Поверьте, что я говорю это, отнюдь не рисуясь. Менее всего я поклонник Горького, и если Вы хотите знать мой идеал писателя, он дерзок и очень нескромен: писать, как Флобер. Да.

Получил очень милое письмо от С. Цвейга, он, с дружеской заботой, уговаривает меня уехать из Германии, что я,

наверное, и сделаю, переехав в Чехословакию, в Карлсбад. Хороший, должно быть, человек этот Цвейг! Вчера прочитал его рассказ «Переулок лунного света», рассказ совпадает по теме с моим «О безответной любви» и написан, видимо, очень красиво.

Жить здесь становится все более тяжело и неприятно. Государство природных бюргеров разваливается, расчленяется, и совершенно не чувствуешь сил, способных остановить этот развал. Бюргерство поглощено исключительно заботами о приобретении долларов, идея социалистического государства скомпрометирована в глазах рабочих масс.

Интеллигенция голодает, тяготеет, в массе своей, к Ба-варии. Интеллигенция здесь — странная, поскольку я могу судить о ней, — ее политический консерватизм кажется мне уродливым, так же как и болезненно распухший ее национализм. На днях во Фрейбурге известнейший философ Ху-серль говорил, что идеальное правительство Германия имела в 48 г., когда в парламенте сидело полторы сотни профессо-ров. В общем, здесь все сословия безвольно жаждут сильной власти, опровергая этим утверждение политических писате-лей своих, которые говорили, что германцы — выразители начала мужского, активного, а славяне — женского, пассив-ного. Очень, очень трудно здесь!

Напишите мне поскорее, дорогой друг, и позвольте крепко пожать руку.

Сорренто, 21 марта 1925 г.

Дорогой друг,

очевидно, что главные редактора «Европы» «более рояли-сты, чем сам король». Но вероятнее, что они плохо осведом-лены и не знают, что в развитии самокритики Соввласть до-стигла некоторых, я бы сказал даже — значительных успехов. ...Я мог бы указать г. Поль Колэн несколько рассказов, напе-чатанных за два последних года в России молодыми авторами, и г. Колэн убедился бы, что «тенденция» этих расска-зов грубее, злее, страшной тенденции г. Ирецкого*. Я знаю,

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

что г. Колэн не нуждается в моих указаниях и что «у всяко-го барона — своя фантазия», возражать против которой — бесполезно. Тем не менее Ваше письмо (главным) редакто-рам — прекрасно, благородно, и меня восхищает неутоми-мость, с которой Вы боретесь против веяний духовной реак-ции, возвращающей нас к варварству. Эта реакция принимает все более мрачные и анекдотические формы, — посмотрите, как немцы травят умершего Эберта! А недавно, в Париже, русские эмигранты, во главе с бывшим министром Коковце-вым, исключили из членов церковного совета редактора газе-ты «Последние новости» — за что? Он, редактор, напечатал рассказ на тему одного христианского апокрифа, и бывшие министры, защищая доброе имя Христа, обвинили редакто-ра в допущении кощунства на страницах газеты, не усмотрев того, что тема рассказа — известный апокриф. Эти же христиане замолчали факт публичного избения вполне поряд-очной женщины одним из их друзей.

А если б Вы знали, в какой изумительно вульгарной фор-ме ведется полемика с большевиками! Прекрасный художник Иван Бунин на одном из эмигрантских диспутов в Париже ругался «матерной» русской руганью, гнуснее которой я ни-чего не знаю. Еще недавно Бунин был вполне корректным и благовоспитанным человеком. Лично меня уже лет два-дцать раскрашивают всеми оттенками грязи, какие только возможны, обвиняли в том, что я «продавал Россию» евре-ям, японцам, немцам, наконец продал ее большевикам, я привык читать гнусности о себе, они и на меня не действую-ют, никогда не действовали. Но иногда я ставлю на свое место другого, более слабого или не так притерпевшегося человека и с ужасом думаю, что было бы с ним? Озлобле-ние людей тем более отвратительно, что это не «святой гнев», а нечто гнилое и — это уж хуже всего! — совершенно бездарное. Я нахожу русского человека вообще, по природе его очень талантливым, и это убеждение все более укреп-ляется у меня. Но — странно! — как только русский обозлит-ся, он поразительно глупеет. В злобе всегда чувствуется бо-лезненное, даже в злобе «святой», но русская злоба нечто совершенно искаженное, безумное. И заметьте, что — глубо-же всех чувствовал силу и глубину зла русский художник, Достоевский.

Невеселые мысли.

В Париж — не собираюсь. И нигде не поеду. Начал пи-сать роман о выдуманных людях. Очень хочется работать. Роману придаю значение итога всему, что мною сделано.

Здоровье — хорошо, но погода здесь — отчаянно плоха, ветер, дожди, снег.

Будьте здоровы, добрый друг.

29—I—28 г.

Дорогой друг,

когда я прочитал «Письмо писателей»**, оставшихся в Рос-сии, у меня тотчас же явилось сомнение в том, что его

* Имеется в виду рассказ В. Я. Ирецкого «Пчелы», по-сланный Р. Ролланом по просьбе А. М. Горького в жур-нал «Эроп» и отвергнутый редакцией последнего.

** Речь идет об анонимном письме, сфабрикованном в эмигрантских кругах, «в защиту русских писателей, оставшихся в России», резко и убедительно опровергнутом в советской печати. (См. статью «Еще один документ», опубликованную в газете «Правда» 13 августа 1927 г.).

написали литераторы и люди, широко осведомленные в сво-ей области. Сомнение это вызвано было недостаточно гра-мотным стилем письма и фактическими неточностями, очень обильными в нем. Литераторы не могли написать, что в Рос-сии «классики запрещены», когда Государственным изда-тельством прекрасно издан Достоевский с его «контрреволю-ционным» романом «Бесы», Гоголь, Пушкин, издается Тур-генев и полное собрание всех художественных и религиоз-но-философских сочинений Льва Толстого в 90 томов, причем во главе редакционной комиссии стоит друг Толстого В. Чертков. Изданы также «избранные сочинения» Бунина, Куприна, Шмелева, и вообще старые писатели, как, напри-мер, Мамин-Сибиряк, Гарин-Михайловский, не забыты, изда-ются. Литераторы должны бы также знать, что классики не «запрещены», и по отчетам библиотек, — везде Достой, Достоевский, Гоголь на первых местах по читаемости.

Бывал за границей, ко мне ежегодно приезжают моло-дые литераторы. «Умирание от голода» и длительные поезд-ки за границу трудно связать. Мне кажется, что я имею честь пользоваться доверием молодежи, но в интимных бесе-дах со мною на вопрос мой: кто, какая группа могла напи-сать это жалобное «Письмо»? я получал в ответ или скеп-тическое пожимание плечами или же прямое заявление: «Письмо сочинено за границей». Жалоб на «унижение» я не слышал.

Вам пишут, что в России «нет литературы». Странное ут-верждение. Почему бы ей не быть? Трудно представить страну, в которой не было бы литературы, ибо абсолютно безграмотных стран не существует.

Вы спрашиваете: кто я думаю о молодых литераторах? Меня удивляет их обилие, я рассматриваю это явление, как неоспоримый признак развития литературы в «широту». Сей-час в России — сотни писателей, количественно они все рас-тут с быстротой, которую я не умею объяснить ничем, кро-ме талантливости, присущей всей массе моего народа, кото-рый, наконец, начинает чувствовать и осознавать свое «я», его ценность и его право на свободу творчества во всех об-ластях жизни.

Истекший год дал несколько очень заметных фигур, воз-буждающих хорошие надежды. Это: Фадеев, автор романа «Разгром», Андрей Платонов, Заяицкий, Леонид Борисов, Нина Смирнова, поэт Н. Тихонов дал книгу прекрасной прозы.

Крепко встали на ноги такие талантливые люди, как Лео-нид Леонов, Бабель, Всеволод Иванов — ныне редактор жур-нала «Красная новь», хотя он не коммунист, — Константин Федин, Владимир Лидин, Борис Пильняк, Сергей Семенов, рабочий, очень оригинальный талант, несколько зависимый от Кнута Гамсуна, — хорошая зависимость, на мой взгляд! —

Зощенко разменялся на мелкие рассказы, что не умаляет его таланта, он постепенно переходит от юмора к бытовой сатире; ему сопутствует хороший юморист Валентин Катаев, автор повести «Растратчики», написанной в традиции Го-голя, хорошо растут Александр Яковлев, Каверин. Мне труд-но перечислить всех, кто заслуживает не только упоминания, но и похвал. Из писателей доволюционного времени много и отлично работают Сергеев-Ценский, Михаил Пришвин, Кон-стантин Тренев, Николай Березин, Иван Волынов, Ольга Форш, Алексей Чапыгин напечатал прекрасный роман «Сте-пан Разин», поэт Сергей Клычков написал два интересней-ших романа, немало лижет Алексей Толстой, как всегда пре-восходный рассказчик, выпустил книгу рассказов Иван Новик-ов. Мне кажется, что сейчас во главе русской художест-венной литературы стоят два совершенно изумительных ма-стера. Это — Сергеев-Ценский и Михаил Пришвин, — книгу последнего Вы должны на днях получить.

Вероятно, даже наверное, я забыл упомянуть многих, кни-ги которых еще не читаны мною; я боюсь утомить Вас пере-числением литераторов, работающих в журнале «Сибирские огни», — среди них есть люди несомненно крупных дарова-ний. Не говорю о поэтах, считая себя плохим ценителем стиха. Но среди них есть признанные величины: Пастернак, Тихонов, Асеев, Жаров, Казин, Сельвинский, Орешин и пр. Возникает художественная литература среди народностей Кавказа, черкесов, осетин, среди казанских татар. Да, в России есть и быстро растет прекрасная литература, и я, зачитываясь ею, очень огорчен тем, что Европа слишком ма-ло обращает внимания на эту сторону и на ее творчество, слишком усердно ищет в ней дурного, враждебно игнорируя хорошее.

Я, разумеется, понимаю, что хорошего еще мало для стра-ны с населением в 150 миллионов. Не надо забывать, что этот народ только десять лет тому назад отвоёвывал для себя доступ к жизни культурной и только что начинает ощущать жажду культуры. И уже есть села, где 140 дворов выписы-вают 32 издания, уже в России печатаются миллионы газет, журналов, популярно-научных брошюр. Литераторов, конечно, еще мало для этой страны. Но я совершенно уверен, что те сотни людей, прозаиков и поэтов, которые начинают писать теперь, через пять—десять лет дадут великолепных мастеров словесного искусства.

Драма Есенина — это драма глиняного горшка, который столкнулся с чугуном, драма человека деревни, который насмерть разбился о город. Я думаю, что эта драма не од-нажды повторится в России, но не понимаю, как можно ви-нить в этом Советскую власть? Этого типа драмы неизбежны при всяком режиме. О Есенине уже создана очень боль-шая литература, она очень хорошо объясняет причины пре-ждевременной гибели талантливого поэта. Я не знаю, кто та-кой Пашуканис и за что он расстрелян. Гумилева расстре-ляли как участника политического заговора, организован-ного неким Таганцевым. Таганцева я знал, это был болван, бездарнейший парень.

Бунин и его товарищи пишут о жестокости Советской вла-сти. Я не могу себе представить человека мягким, раз он на-ходится в постоянной борьбе ради самозащиты. Наконец: что такое Советская власть? Мне кажется, что пора уже перестать рассматривать ее как группу интеллигентов. Всем

* Упоминается французское издание книги А. М. Горь-кого «Мои университеты».

известно, что за 10 лет несколько десятков большевиков-интеллигентов умерло и многие потеряли работоспособность, о чем я, разумеется, искренне жалею. Советская власть по природе своей становится все более действительной властью рабочих и крестьян. Это — партия большевиков, несколько десятков тысяч рабкоров и селькоров и 620 тысяч «делегатов» с фабрик, заводов и от деревень.

Искренне говорю Вам, дорогой Роллан, очень тяжело мне наблюдать процесс морального разложения русской эмиграции, эту болезненную, гниющую злобу ее на русский народ, наускивание ею европейской прессы на Советскую власть, полемику между собою, скандалы и клевету, ложь на всех, кто иначе верует. Почти всех «вождей» эмиграции я, в свое время, знал, многие казались мне людьми действительно высокой культуры, искренними демократами и гуманистами. Как-то неловко, стыдно за людей.

Сердечнейшие пожелания Вам хорошего здоровья, дорогой Роллан.

Сорренто, 22 февраля 1928 г.

Дорогой друг, Ефим Зозуля — журналист не без таланта, издал том своих фельетонов, довольно бойких, с признаками оригинальной фантазии, но говорить о нем как о серьезном писателе не вижу — покамест — оснований.

Другое дело — Бабель. Это — человек очень крупного и красочного таланта и человек строгих требований к себе самому. Его «Конная армия» — ряд превосходно сделанных этюдов в стиле Гоголя, романтика, автора «Тараса Бульбы», — Гоголя до «Ревизора» и «Мертвых душ». Бабель — большая надежда русской литературы. Рядом с ним я ставлю Всеволода Иванова, талант которого быстро растет и крепнет; Леонида Леонова, его роман «Вор» — вещь замечательно оригинально сделана, он, пока, в некоторой зависимости от Достоевского. Дальше — Константин Федин, серьезный, очень культурный писатель, с большими задачами, которые он умеет разрешать. Вообще талантливых людей очень много, я удивляюсь и радуюсь обилию их.

Отработав в русской литературе 35 лет, я не помню такого времени, когда бы каждый год дарил стране так много произведений, останавливающих на себе серьезное внимание. А ведь в мое время каждый ежемесячник усиленно выдвигал своих сотрудников, рекомендуя их читателю, чего теперь — нет. Теперь каждое заметное произведение обсуждается и критикуется в рабочих клубах и там получает оценку и признание.

Не помню, сообщил ли я Вам такой факт: один из библиотечной рабочей библиотеки сделал по личному своему почину опрос 25 читателей: кого они считают лучшим авто-

ратель видел, как невежествен прекрасный артист. Очень тяжелая вещь эти воспоминания, и я уверен, что Шалаяну внушают их паразиты, окружающие его, внушают для того, чтоб окончательно преградить ему дорогу на родину.

Его новая жена бесстыдно говорит: «Федя поедет к большевикам только через мой труп». А его, как я слышал, терзает «тоска по родине».

«Воспоминания» Шалаяпина и Александры Толстой об отце — два источника гнуснейшей пошлости и глупости.

С этим письмом посылаю Вам мою книгу «Жизнь Клима Самгина», если Вы найдете время прочитать ее, — сообщите мне Ваше о ней мнение, я тоже буду благодарен Вам.

Рад сообщить Вам, что в Союзе Советов все честные и мужественные люди горячо любят Вас. Как грустно, что здоровье мешает Вам посетить Союз, где Вы были бы встречены сотнями тысяч искренних друзей.

Будьте здоровы, дорогой друг, сердечно жму Вашу руку.

Конец июля — август 1933 г.

Дорогой мой друг.

На днях я подберу и вышло Вам музыкальные произведения молодых композиторов. Написано, пишется, исполняется музыки весьма много, но печатается мало по недостатку нотной бумаги. Я уже сообщал Вам, что, несмотря на увеличение продукции существующих фабрик, у нас «бумажный кризис» и — отсюда — «книжный голод», который едва ли будет удовлетворен и пятью новостроящимися фабриками. Причина являлась — рост грамотности и быстрое развитие потребности знания. Спрос на книгу выражается в цифрах почти астрономических: в текущем году Госиздат уже выпустил 45 миллионов учебников для низшей и средней школы, но этого все-таки еще мало. «Известия» печатают миллион 600 т., а спрос читателей — 5 миллионов. Такое же положение и у «Правды», у «Крестьянской газеты», хотя ее тираж 1.700 т.

Журнал «Наши достижения» печатается в 60-ти т., а нужно — 200. Тиражи книг тоже, конечно, не удовлетворяют потребности. Впрочем, я, кажется, писал уже Вам об этом. Должен добавить, что правительство весьма энергично работает, стремясь удовлетворить культурные запросы населения, и что во второй пятилетке вопросы культуры займут очень видное место. Расширяется Третьяковская галерея, организуется «Академия искусств» в Ленинграде с филиалом в Москве, реорганизуется и тоже расширяется Консерватория в Москве, строятся музыкальные школы в областных городах. И вот почти курьез: в Свердловске, б. Екатеринбург-

ге, ныне столице Урала, до революции был отличный театр драмы. Рабочие пожелали иметь театр оперы и построили его со всеми усовершенствованиями современной техники. По словам ленинградской художницы-декораторши, очень талантливой Валентины Ходасевич, человека очень строгого и требовательного, оперный театр Свердловска технически во всем и намного превышает театры столиц. Хороший оркестр, отличный ансамбль группы. Казалось бы, этим можно удовлетвориться? Но исполком Свердловска постановил зимой: выстроить театр оперетки, и с весны уже начали строить. Примите во внимание, что ведь питаются рабочие все еще недостаточно удовлетворительно.

Музыку любят все более. Живя за городом, в 50 км, я слушаю по радио концерты в Доме Красной Армии, в Парке культуры и отдыха и т. д. Удивляет внимание, с каким слушают музыку, и аплодисменты, которыми награждают исполнителей. Из новых есть уже «любимые» вещи, напр., «Туркменская симфония», — если ее издали, не замедлю прислать Вам. Очень нравятся Римский-Корсаков, оперы Мусоргского, Бородин, благоговейно слушают Моцарта, Бетховена, Мендельсона, и в большом почете музыка Средней Азии, Закавказья, действительно весьма оригинальная, на мой взгляд — профана. Как я уже сказал, постараюсь в ближайшее время послать Вам музыкальные новинки: симфонию Шапорина и его оперу «Декабристы», две оперы Шостаковича — «Нос» на текст Гоголя и «Легион Макбет Мценского уезда» — текст Лескова. На днях вышло Вам несколько снимков со скульптур. Я был на выставке скульптуры и приятно изумился количеству талантливых вещей. Это явилось открытием для меня, ибо я вообще не интересовался этим родом искусства. Теперь хлопочу, чтоб молодым скульпторам дали под студии те церкви, которые закрыты вследствие равнодушия к ним со стороны прихожан. При некотором ремонте из церквей можно создать отличные ателье.

Я думаю, что вскоре Вас будут информировать о культурной жизни Союза Советов более обильно и последовательно, чем я могу это сделать.

Кажется, я не вернусь в Италию, во всяком случае буду настаивать, чтоб меня оставили в Союзе. Жизнь на берегах прелестного Неаполитанского залива становится все более унылой. Тяжело видеть бесплодную трату драгоценной энергии людей — энергии, способной воплощаться не так мощно и чудесно, как на моей родине.

Дорогой мой друг, как горячо, как искренне хотел бы я, чтоб Вы испытали ту радость и гордость, которые испытываю я, беседуя с Вами в этот ликующий день, под шум соsen и берез за окнами, под крики детей, которые вырастут здоровыми, сильными, умными и — счастливыми.

Крепко жму Вашу руку, дорогой мой друг и соратник.

21 апреля 1934 г., Москва

Дорогой друг мой, да, это — правда, я очень редко пишу Вам и весьма смущен тем, что Вы товарищески указали мне на это. Однако Вы ошибаетесь, если подумаете, что этим заменяется понижение моего желания писать Вам, делиться мыслями с Вами. Я часто думаю: надо написать Роллану, следует сообщить

ему о том или об этом, но я — как все активные люди, как и Вы, дорогой мой, живу в непрерывных вихрях различных волнений.

События в Вене, приезд к нам Димитрова с товарищами, позорное дело Ставиского*, все более откровенный цинизм японской военщины, эпопея «Челюскина», литературные споры, выявления пошлости, двоедущия и лицемерия мелких паразитов литературы и еще многое, — поглощая мое время, не дают мне возможности поделиться мыслью с Вами. А пресса, сообщая о выступлениях Ваших, успокаивает: Роман Роллан «в полной боевой форме», на пути, мужественно избранном его волей.

Успокаивает и то, что рядом с Вами Мария Павловна. Я почти не знаю ее лично, но очень много слышал о ней хорошего и, право, рад, что около Вас такой ясный человек, «умная душа».

Занят я множеством работы до смешного и даже — до неприличия: в Малом театре с начала сезона идет моя пьеса «Враги», а я ни одного раза не был на репетициях и еще не видел спектакля. Артисты, конечно, обижены.

Написал, между прочим, маленькую брошюру, посылаю ее Вам. Ее издали для колхозов тиражом в полмиллиона, и это — уже мало в стране, еще недавно — полуграмотной.

Вышел и моментально исчез Ваш 15-й том.

Очень прилично издаются Стендаль, Бальзак, скоро пошло Вам альбом отличных рисунков Боклевского к роману «В лесах» земляка моего Андрея Печерского и для Марии Павловны — «Евгения Онегина» в издании «Академии».

Кадры литераторов непрерывно пополняются талантливейшей молодежью, общий порок которой — отсутствие исторических знаний, а также слабость техники. Эти пороки и заставили меня снова поднять вопрос о необходимости повышения качества литературы.

Рост количества талантливых людей продолжает удивлять меня. Расскажу такой факт: в один из колхозов Нижней Волги является уроженец местной деревни, парень 23-х лет. Он — сирота, с детства — «беспризорник», бродяга. Крестьяне встретили его не дружелюбно, однако — людей всюду не хватает, и он получил работу. В первый же год он предложил колхозникам электрифицировать деревню. Не поверили, но сказали: попробуй! Результат: деревня была освещена. В тот же год беспризорник Минаев соединил все избы мужиков радиотелефоном, и старики стали снимать перед ним шапки и обращаться к нему почтительно, именуя его по имени-отчеству: Николай Филиппович.

Далее Минаев изобретает соломотаску и снопоуборку, применение этих его машин освобождает в области Нижней Волги 75 тысяч людей от излишнего труда. Минаев становится знаменитостью, к нему идут «послы» из колхозов всей области, со Средней Волги, Северного Кавказа: делают машины! Но местное начальство, обнаружив классическое чиновничье тупоумие, не помогает парню в его работе, и это приводит его в буйное настроение: к черту все! Он ломает свои машины и хочет снова уйти бродяжить. В этот момент его застает московский литератор Козьма Горбунов, случайно заглянувший в колхоз. Минаева вызывают в Москву. В Наркомземе устраивается заседание, рассматриваются чертежи машин и постановляют: издать чертежи в количестве 150 тысяч, с объяснением, как надобно строить их, и разослать по колхозам. Машины настолько просты, что крестьяне могут сами делать их. Минаеву дано 8 т. руб. на устройство опытной учебной мастерской, 250 в месяц, и его обязали подготовиться в течение года по «Университету на дому» к сдаче экзамена в технику. Выслушав это постановление, парень от радости заплакал и, ударив кулаком по столу, решительно заявил: «Теперь я все сделаю!»

Он — не исключение, таких появляется немало в различных областях. Самодельность единиц и групп становится обычным явлением.

Ну вот сколько я написал Вам, и писалось с великим удовольствием, ибо я очень высоко ценю Вас, люблю и дорожу Вашей дружбой.

Крепко жму руку.

Конец апреля 1935 г.

Мой дорогой друг!

На Ваш вопрос: буду ли я в июне в Москве — я не могу ответить Вам с необходимой точностью — потому что в июне я, вместе с группой литераторов, должен буду ехать в Париж, на съезд, организуемый Барбюсом — Эренбургом. Точное время съезда еще не установлено и, наверное, Вы узнаете об этом раньше, чем я.

Мне неловко и стыдно вспомнить, что я не писал Вам полгода. Но это время было особенно тяжело нагружено для меня. Я не люблю, да и не умею говорить о «личном», но все же скажу: нелепая смерть сына очень ударила меня. И еще более тяжело переживалось подлейшее убийство Кирова, отличного человека и талантливейшего администратора. Затем погиб Куйбышев, тоже крупный человек.

Я затеял две книги: одна — «День мира». Мы берем газеты всех стран и городов земли за один день, все равно — какой: 17 апреля, 3-е мая, 5-е октября. Выбираем из них наиболее характерное, что произошло в этот день: свадьбу миллионера, выселение безработного из квартиры, спортивный праздник, преступление, подвиг мужества, торжество технической мысли, семейную драму и т. д. и т. д. — мы получим картину жизни за один день. По такой же схеме дадим и советский день. Думаю, что это будет интересно.

Всего доброго, дорогой друг, и — наконец! — до скорого свидания!

По ночам читаю Фейхтвангера — отличный, интереснейший литератор!

Читали Вы речь Димитрова? Замечательно сказана была она, как передавали мне. «Это — вождь», — говорят о нем. Я, по нездоровью, не был на заседаниях Коминтерна. Но если б Вы были в Москве, разумеется, Вы были бы и в зале заседаний.

Большое событие — конгресс физиологов. Через некоторое время Вы получите отчет о работах его.

Крепко жму руку Вашу, дорогой мой друг.

Горячий привет Марии Павловне. Будьте здоровы, берегите себя.

* Имеется в виду дело банковского афериста Ставиского и биржевых дельцов, выпустивших во Франции фальшивые облигации на сумму 500 млн. франков.

РОМАНУ РОЛЛАНУ

ром? 25 отзывов получил Л. Толстой, 23 — Гоголь, 21 — Достоевский, 19 — Тургенев. Современные писатели получили от 15 и ниже. Интересная картина?

27 ноября 1932 г.

Дорогой друг,

давно я не писал Вам, и, разумеется, это нехорошо с моей стороны.

Но в Москве у меня так много работы, что совершенно не хватает времени для того, чтоб спокойно написать Вам подробное письмо о новостях культурной жизни в Союзе Советов.

А новостей — немало, и две из них я считаю чрезвычайно важными. Первая — решено организовать в Ленинграде «Институт изучения человеческого организма». Это будет чрезвычайно своеобразное научное учреждение, где физики и химики получают широкую возможность работать в области биологии. Институту дано право приглашения иностранцев, и во всех семи республиках организуется его филиалы.

Очень сожалее, что не мог съездить на открытие Днепростроя. Люди, которые были на этом торжестве, рассказывают о нем пламенно. Интерес к Днепрострою сделал заметным другое значительнейшее достижение Советской власти: закончен и весной будет открыт канал, соединяющий Белое море с Балтийским. Работа эта сделана в 400 дней, работало 120 т. человек с энтузиазмом, который изумлял всех, кто видел эту грандиозную работу. С невероятной, сказочной быстротой изменяется физическая география страны. На очереди Каспийско-Черноморский канал, орошение заповолжских степей, железная дорога от Байкала до берегов Тихого океана, до залива Де Кастри, это 2.000 километр! Затем: Волго и Ангаро электрострой.

Несмотря на все это, зная, что все работоспособное население Союза Советов занято государственным трудом и что рабочих рук не хватает, пресса русских эмигрантов с идиотическим упорством твердит о разрушении страны и в этом смысле информирует буржуазную прессу Европы.

Мне крайне тяжело и стыдно читать бездарные выдумки эмигрантов, в свое время я знал многих из них, и они были очень порядочными людьми.

Стыдно читать «воспоминания» бывшего друга моего Федора Шалаяпина. Он пишет: «У меня отняли все, я выехал из России нищим». Это — ложь и очень глупая ложь. Обстоятельства его отъезда хорошо известны мне. Его дом в Москве не был национализирован как «бездомный», в этом доме и до сего дня живет жена Федора. Дом в Ленинграде, хотя и доходный — в нем четыре больших квартиры, — тоже не национализирован. Драгоценности, лежавшие в сейфе, были выданы Федору. Он вывез из Союза два вагона вещей, среди которых были gobelens, которые, по его словам, стоили 2 милл. франков. Вагоны были выпрошены им у Ф. Дзержинского в присутствии моего сына. Но меня лично возмущает не столько эта ложь, сколько общий тон его «воспоминаний», тон, недостойный великого артиста, хвастливый, мелочный, грубый. К тому же Шалаяпин не очень грамотен и умело излагает факты, мысли, а газета Миллюкова, в которой печатаются «воспоминания», не редактирует их. Делается это как бы нарочно, для того, чтобы чи-